

— Когда планируешь возвращаться в деревню? — спросил Тан Шаочуань у Лю Сымяня.

— В эти выходные. Нужно отвезти отца.

— Учитель уезжает так рано? Вроде бы до каникул еще далеко.

— Да он давно уже отошел от дел, числится советником, на работе почти не появляется. Иначе откуда бы у него взялось столько времени, чтобы тренировать тебя? Сначала устрою его там, а когда в компании все уляжется и Гендиректор Тан подпишет мне отпуск, отвезу и маму.

— Вот оно что. А то Бао Фэй рассказывал, будто учитель чуть ли не каждое утро пропадает в спортивном зале.

Тан Шаочуань повернулся к Гуань Хаобиню:

— Бинь-бинь, может, тоже рванем на выходные в деревню с Сымянем? Погуляем, развеемся.

— В выходные? Вряд ли получится, я на дежурстве, — с сожалением вздохнул Гуань Хаобинь.

— Ничего страшного, ехать-то не так далеко. Как выкроите время — обязательно съездим, — подбодрил его Лю Сымянь.

— А в волости есть где остановиться? — поинтересовался Тан Шаочуань.

— Гостиницы? Откуда, — усмехнулся Лю Сымянь. — Почти вся молодежь из наших мест уехала на заработки в прибрежные города. Кому придет в голову тащиться в такую глушь? Даже если бы там построили отель, он бы пустовал. В уездном центре Шуанцяо жизнь, конечно, кипит, но оттуда далековато добираться. Впрочем, насчет жилья не переживайте — у отца в деревне двухэтажный дом, свободных комнат полно.

— Учитель выстроил дом в родных краях? — удивился Тан Шаочуань.

Лю Сымянь скорчил кислую мину:

— Еще бы. Старик вечно твердит: мол, парень ты уже взрослый, радоваться должен, что тебя вообще кормят, а сколько зарабатываешь — твоя забота, из родительского кармана и медного гроша не вытянешь. Почти все свои сбережения он вбухал в эту усадьбу. Я уже извелся весь. Скоро тридцать стукнет, а на что мне жену себе покупать? Так и помру бобылем.

Его унылый вид заставил всех дружно расхохотаться.

— Что еще за работоторговля? — с улыбкой укорил его Гуань Хаобинь. — Тоже мне, «покупать жену».

— А ты думал? Сейчас, чтобы сыграть свадьбу, по самым скромным меркам нужно выложить тысяч сто, не меньше. И это только на базовые расходы! Да еще барышни пошли капризные: подавай им и квартиру, и машину. Тяжко нынче нашему брату, — покачал головой Лю Сымянь.

— Да ладно тебе, не сгущай краски, — не поверил Гуань Хаобинь и повернулся к Даньтай Сяофэну: — Учитель Даньтай, вы ведь скоро женитесь? У вас разве есть машина и собственная квартира?

— Какое там, — смущенно признался Даньтай Сяофэн. — До сих пор теснюсь с родителями в старой хрущевке, там и девяноста квадратов не наберется. Про машину даже не заикаюсь, весь мой транспорт — двухколесный электроскутер.

— Вот видишь! Никакой драмы, — улыбнулся Гуань Хаобинь, победно глядя на Лю Сымяня.

— Я скорее исключение, — вмешался Даньтай Сяофэн. — Сымянь в общем-то прав. У меня на работе ребята женились — так по уши в долги залезли, у всех родственников переодалживали. Да и незамужние коллеги в открытую говорят, что без квартиры и машины к ним даже подкатывать не стоит. Таковы уж законы рынка. А мне просто повезло. Моя невеста — круглая сирота, выросла в детском доме. Натерпелась бедняжка, пока училась и параллельно подрабатывала. Зато у меня нет головной боли с тещей, так что в этом плане мне действительно намного проще.

— Сирота из детского дома? — Гуань Хаобинь резко изменился в лице. — Как её зовут?

— Чжэн Сяони, — ответил Даньтай Сяофэн, недоуменно вглядываясь в застывшее лицо собеседника.

— Так, довольно разговоров, давайте выпьем! — Тан Шаочуань спешно поднялся с бокалом в руке, разряжая обстановку. — За моего названного брата Лю и его сегодняшний триумф! До дна!

Лю Сымянь тоже встал и, смеясь, чокнулся со всеми. Резкую перемену в настроении Гуань Хаобиня он заметил сразу и в глубине души уже начал догадываться, в чем тут дело.

Наступили выходные. Лю Сымянь с тихим ужасом взирал на гору сумок и коробок, которую приготовили родители.

— Послушайте, у нас же крошечная легковушка! Разве в нее все это влезет? — сокрушался он,

хватаясь за голову.

— Как не влезет? Отец сядет вперед, а заднее сиденье и багажник заставим до самого верха, — деловито распорядилась Ма Сухуа, указывая на узлы. — Смотри: вот эти три комплекта постельного белья — дедушке, тетушке и супруге дяди, каждому по одному. В красном мешке — теплая безрукавка на меху и шерстяные штаны для дедушки Лю Даошоу. С этой коробкой поаккуратнее, не разбей, там целебные настойки и дорогие корни для дедушкиного вина. То, что у тебя под ногами, — мази для суставов и пластыри с тигровым ядом. На диване в холщовом мешке — конфеты и шоколад для Юйчэна, Юйцзин и маленького Юйиня. А у ног твоего отца свалено его личное барахло, это уложи отдельно. Давай, начинай забивать багажник отцовскими пожитками.

— Может, не будем тащить все разом? — предложил Лю Сымянь, приподнимая тяжеленный тюк. — Давайте часть оставим, отвезем в следующий раз, когда поедем вместе.

— В следующий раз найдутся другие вещи. Чую я, тебе еще не единожды придется мотаться туда-сюда. Давай, тащи вниз, мне еще магазин открывать, — отмахнулась Ма Сухуа и первая подхватила тяжелую сумку.

— Папа, ну ты же мужик, зачем тебе столько барахла? Взял бы пару смен белья — и хватит, — ворчал Лю Сымянь на отца.

— Эх ты, оболтус, — ухмыльнулся Лю Гопин, поднимая свой мешок. — В следующем году, аккурат в апреле-мае, я официально выхожу на пенсию. И сразу перебираюсь на родину. Как говорится, мышка тащит зернышко по крошке — вот и я перевожу вещи понемногу, чтобы потом на грузчиков не тратиться.

— Что? Быть не может! — вытаращил глаза Лю Сымянь. — Решил уйти на покой в родные пенаты и даже семейный совет не созвал? Я, между прочим, твой единственный сын! Мог бы и посоветоваться.

— Тоже мне, важная персона. С какой стати я должен спрашивать у тебя разрешения? Мы с матерью все давно решили, она согласна. Эту двухъярусную квартиру мы оставляем тебе — живи, женись, детей расти. Мало тебе? Хочешь до нитки родных родителей обобрать, последние соки из нас выжать?

— Неужели и мама переедет в деревню?

— А то как же! Моя жена должна жить со мной, а не нянчиться с тобой до седых волос. Сам себе ищи ту, которая будет за тобой ухаживать, — Лю Гопин наградил сына красноречивым взглядом.

— А как же мамин магазин?

— Передадим кому-нибудь. Если захочешь — забирай себе, даже плату за переуступку прав с тебя не возьмем.

— Это грабеж! Наглый грабеж! — взвыл Лю Сымянь. — Бросаете меня одного в этом каменном мешке? Да я же с голоду помру!

— Ты готовишь лучше нас обоих, чего разнылся? — Лю Гопин, устав слушать стенания сына, легонько пнул его под зад. — Кончай скулить, тащи вещи. Тебе без пяти минут тридцать, мужик взрослый, руки-ноги на месте — прокормишься. Поглядите на него, нюни распустил! Где твоя мужская гордость? Жил бы во времена династии Мин, когда зарождался наш клан, на твоих плечах уже лежала бы забота о стариках и защита всей семьи. Помнишь, как в заветах предков сказано?..

— Ладно-ладно, иду я, — уныло буркнул Лю Сымянь. — Только не надо опять читать мне нотации про заветы предков, я их наизусть знаю, в печенках уже сидят.

Всю дорогу Лю Гопин пребывал в прекрасном расположении духа. Откинувшись на спинку пассажирского сиденья, он безмятежно похрапывал, созерцая сны, пока его сын крутил баранку и мысленно костил эгоистичного старика на чем свет стоит.

Город Цинюань, уезд Шуанцяо — край суровый, горный. Но волость Паньсю, откуда был родом отец, — это глушь из глухоманей, затерянная среди вековых лесов. По правде говоря, если не брать в расчет разбегающиеся во все стороны асфальтовые ленты дорог, проложенные за годы народной власти, Паньсю представляла собой бескрайний дикий бор.

Путь из Цинюаня в Шуанцяо, а оттуда в Паньсю лежал через две волости — Лунгун и Юйлун. Там жить было куда проще: горы пониже, ущелья пошире, да и дороги поровнее, без сумасшедших серпантинчиков. Но стоило пересечь невидимую черту Паньсю, как трасса превращалась в бесконечную змею, огибающую исполинские, уходящие в облака кручи. Взгляни на эту картину с высоты птичьего полета — и ползущие по склонам машины показались бы крошечными жуками, то мелькающими среди изумрудной листвы, то бесследно исчезающими в тени раскидистых крон.

Когда-то основатели здешнего рода, братья Лю Чанчжэнь и Лю Чанпу, преодолели сотни ли, ведя за собой домочадцев в поисках прибежища. Выбор пал на эти глухие места неспроста: непроходимая чаща скрывала поселение от чужих глаз, а крутые скалы делали его неприступной крепостью. К тому же в низинах между вершинами земля оказалась на редкость щедрой и плодородной — сажай что хочешь, без урожая не останешься. Да и тайга кормила исправно: зверья и птицы водилось без счета, пушнина и дичь ценились высоко, так что охотничий промысел всегда приносил верную монету.

По склонам и лощинам Паньсю приютилось около полусотни деревень. Если не считать самой волостной управы, где селился пришлый люд со всех волостей, каждое поселение

принадлежало одному клану. Деревеньки в основном были крошечными — по двадцать-тридцать дворов. Крупных поселений, переваливших за сотню семей, насчитывалось всего пять: усадьба семьи Дань на горе Ципэн, кланы Фэн и Ван у горы Голова Змеи, Цю у пика Пяти Пальцев и, наконец, Деревня Лю у Львиной горы.

Среди бесчисленных вершин Паньсю выделялись семь главных высот: гора Голова Дракона, гора Ципэн, Львиная гора, Тигриная гора, гора Голова Змеи, пик Долголетия и пик Пяти Пальцев. Шесть из них образовывали широкое, изрезанное кольцо, в центре которого гордо возвышался пик Пяти Пальцев. Пространство между ними занимали лоскуты крестьянских полей. С севера, сквозь ущелья Головы Дракона, Львиной и Тигриной гор, пробивала себе путь своенравная река Ланьфэй. Напитавшись горными ручьями, она огибала пик Пяти Пальцев с северо-запада и несла свои чистые воды на юго-восток, уходя за перевал у пика Долголетия в соседнюю волость Цинъюань.

Самым пологим среди семи великанов был пик Долголетия. Именно через перешеек между ним и горой Ципэн прорубили единственное шоссе, ведущее в волость. У подножия пика Долголетия раскинулась широкая равнина, которую местные прозвали Равниной Спина Лошади — Мабэйпин. Это был местный оазис цивилизации: здесь ютились волостная администрация, школа, лавки и даже захудалая бензоколонка. На Мабэйпин асфальтированная дорога обрывалась. Дальше путь преграждала река Ланьфэй, отделявшая равнину от пика Пяти Пальцев. Через водную преграду был переброшен старинный мост, сложенный из местного серого гранита. Это была единственная ниточка, связывающая два берега. Мост был настолько узким, что вместе с перилами не насчитывал и полутора метров в ширину — машинам ходу сюда не было, разве что юркий мопед мог проскочить. Местные звали это диковинное сооружение не мостом, а Переправой небожителей — Шэньсяньду. Из-за отсутствия автомобильного сообщения у Переправы небожителей процветал бизнес местных извозчиков на мотоциклах. Жителей поселений за рекой — у гор Голова Дракона, Львиной, Тигриной и Головы Змеи — величали «заречными». Если кому из них не хотелось бить ноги по горным тропам, приходилось нанимать моторику. Даже если у кого водились шальные деньги на приличную машину, до собственного двора на ней было не доехать.

Родовое гнездо Лю Гопина располагалось у Львиной горы. Как говорится, на безрыбье и рак рыба: по сравнению с другими заречными селениями деревня Лю у Львиной горы считалась самой доступной. Пусть колеса легковушек не могли пересечь мост, зато на той стороне от Переправы небожителей тянулась добротная бетонная дорога. Она петляла вдоль берега Ланьфэй, пробегала через пару хуторов и упиралась прямо в подножие Львиной горы. Эх, если бы не этот узкий мост, жить здесь было бы одно удовольствие.

Деревня Лю у Львиной горы насчитывала больше двухсот двадцати дворов, а число жителей перевалило за тысячу, что делало ее самым густонаселенным оплотом в Паньсю. Как и повсюду в бедных краях, большая часть здоровых мужиков уехала пытаться счастья на побережье. Дома оставались лишь старики да малые дети, ковыряющие скудную каменистую землю. Но семейство старца Лю Даошоу стояло особняком: и дома людей хватало, и в городах устроились многие. На хозяйстве при дедушке остался его старший сын Лю Гошэн с сыновьями — Лю Сюоанем и Лю Сии. Лю Гошэн со старшим сыном взяли в аренду почти двадцать тысяч му лесных угодий, а Лю Сии развернул бизнес по выращиванию грибов. В городах же обосновались второй сын Лю Гопин и его племянники — Лю Сыкунь, Лю Сыпэн и Лю Сымянь. Все они, за исключением Лю Сымяня, перебивавшегося случайными заработками, выбились в

чиновники да госслужащие.

В отличие от обычных китайских сел, здесь не признавали ни выборных старост, ни партийных секретарей. Вся власть в деревне Лю принадлежала Совету старейшин. Главой рода избирали самого уважаемого представителя старшего поколения, а в совет входили по паре-тройке человек от каждого колена — когда-то их величали распорядителями, ныне же именовали просто членами правления. Все дела решались сообща. Каждые пять лет Совет собирал общий сход, чтобы подтвердить полномочия или выбрать нового главу. Законы клана были строги: любой уроженец деревни, даже уехав в город и сменив официальную прописку, сохранял за собой родовое имя и право на долю земли и леса. Но взамен требовалось беспрекословное послушание. Главным правилом было участие в ежегодном турнире боевых искусств. Исключений не делали ни для кого — уехал ли ты за границу или занемог, изволь явиться. Если совсем никак не получается приехать, плати взнос в сто юаней в клановую казну. Тот же, кто выписывался из деревни, не желал возвращаться и игнорировал состязания, объявлялся отщепенцем. Его имя навсегда вычеркивали из родовых книг, что означало полное отречение от корней. Такое случалось крайне редко. Даже когда в сорок девятом году несколько сыновей клана отступили с гоминьдановцами на Тайвань и пропали на долгие десятилетия, Совет старейшин продолжал хранить их пай, а выделенные им наделы обрабатывали родственники. Лишь недавно, когда надежды на их возвращение окончательно растаяли, совет принял решение аннулировать их записи, а пустующие земли перераспределить.

Именно поэтому Лю Гопин, чьи документы давно пылились в архивах полиции Цинюаня, до сих пор владел клочком земли и лесом на родине. Должно быть, мысль о возвращении грела его душу долгие годы. Еще бы — несколько лет назад при поддержке старшего брата Лю Гошэна и племянников он выстроил на окраине деревни уютный двухэтажный кирпичный дом. Пенсия у него приличная, на жизнь хватит с лихвой. Будет возиться в огороде, разводить гусей да кур, ходить с братом на рыбалку, патрулировать уголья да потиньку разминать кости на тренировках. Идеальная старость в родных краях.

Перед отъездом Лю Гопин созвонился со старшим братом, так что, когда легковушка докатилась до улочек Паньсю, на Переправе небожителей их уже поджидали Лю Сыюань и Лю Сии на мотоциклах. Лю Сии часто возил свои грибы на продажу в город, поэтому арендовал небольшую лавку прямо на торговой улице Паньсю. Возле нее Лю Сымянь и припарковал машину, принявшись вытаскивать из багажника бесчисленные узлы.

— Ребята, на двух мотоциклах мы это добро за сто лет не перевезем, — вздохнул Лю Сымянь, глядя на выросшую у обочины гору поклажи.

— Все продумано, — весело отозвался Лю Сии, ловко привязывая веревками тюки к багажнику. — На том берегу нас ждет грузовой трехколесник моего шурина. Мы с братом быстро перекидаем все через мост, а там погрузим и отвезем прямо к дому.

— Ого, какая честь! Самого Лу Цзяньхуа согнали с места ради нас, — усмехнулся Лю Сымянь. Заметив, что лавка заперта на замок, он обернулся ко второму кузену: — А где невестушка? Обычно в это время она за прилавком стоит.

Лу Цзяньхуа приходился младшим братом Лу Чуньин, супруге Лю Сии. Он был сверстником Лю Сымяня, окончил филфак по специальности «Китайская филология» и теперь преподавал литературу в местной средней школе.

— Так сегодня же Юйиню исполнилось пять лет. Дома она, к празднику готовится.

— Вот черт! Совсем из головы вылетело! — расстроился Лю Сымянь. — И что теперь делать? Я ведь даже подарок не сообразил купить.

— Да брось ты, какой там подарок пятилетнему карапузу, — махнул рукой Лю Сии.

Перебравшись через Переправу небожителей, Лю Сымянь тепло поздоровался с Лу Цзяньхуа. Вещи быстро перегрузили в кузов трехколесника, после чего Лю Гопин и Лю Сымянь уселись на пассажирские места мотоцикла. До деревни Лю оставалось от силы километра два, дорога бежала ровно, так что вскоре они уже въехали во двор отцовской усадьбы. Едва Лю Сымянь успел слезть со своего железного коня и коснуться ногами земли, как затылком почувствовал резкое движение воздуха.

"Плохо дело, — мысленно выругался он. — Нападение!"

<http://bllate.org/book/18980/1934877>